

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Выпускные. Сон Маруси Запольской

Дребезжащий, пронзительный звон колокольчика разбудил старшекласниц.

Я подняла голову с подушки и заспанными глазами огляделась кругом.

Большая спальня с громадными окнами, завешенными зелеными драпировками, четыре ряда кроватей с чехлами на спинках, высокое трюмо в углу — все это живо напоминало мне о том, что я выпускная. Такая роскошь, как чехлы на спинках кроватей, драпировки и трюмо, допускалась только в дортуаре старшекласниц. Одни выпускные воспитанницы да пепиньерки имели право пользоваться некоторым комфортом в нашем учебном заведении.

Маруся Запольская, спавшая рядом со мною, высунула свою огненно-красную маковку из-под одеяла и пропищала тоненьким голоском:

— С переходом в выпускные честь имею поздравить, mesdam'очки!

Я быстро вскочила с постели...

Только теперь, при воспоминании о том, что я выпускная и что мне остается провести всего лишь один год в институте, я поняла, что шесть лет институтской жизни промчались быстро, как сон.

За эти шесть лет у нас почти ничего не изменилось. Мои подруги по классу были почти все те же, что и в год моего поступления в институт. Начальница, Маман, была та же представительная, гордая и красивая старая княгиня. По-

прежнему мы дружно ненавидели нашу французскую классную даму m-lle Арно, которую мы, еще будучи «седьмушками», прозвали Пугачом за ее бессердечие и жестокость, и боготворили немецкую — Fraulein Генинг. По-прежнему обожали учителей и если не бегали за старшими воспитанницами, то потому только, что этими старшими оказывались мы сами. Но зато мы снисходительно поощряли наших ревностных обожательниц — «младших». Да и сама я мало изменилась за этот срок. Только мои иссиня-черные кудри, давшие мне со стороны подруг прозвище Галочки, значительно отросли за эти шесть лет и лежали теперь двумя свитыми глянцевыми толстыми косами на затылке. Да смуглое лицо потеряло свою детскую округлость и приобрело новое выражение сдержанной сосредоточенности, почти грусти.

Моей закадычной подругой была Маруся Запольская, спавшая со мною рядом, сидевшая со мною на одной скамейке в классе и в столовой, делившая со мною все занятия и досуги — словом, не разлучавшаяся со мной за все шесть лет институтской жизни...

— С переходом в выпускные, mesdam'очки, — говорила теперь эта самая Маруся, шая и дурачась.

Но «mesdam'очки» и не обратили внимания на писк Краснушки и, проворно накидывая на себя холщовые юбочки, спешили в умывальную, находившуюся рядом с дортуаром.

— Вставай, Краснушка, — советовала я моему другу, — а то опоздаешь на молитву.

— Ах, Люда! Какой сон я видела, если б ты знала! — проговорила она, сладко потягиваясь и устремляя на меня свои большие темно-карие глаза, с загоревшимися золотистыми искорками в расширенных зрачках.

Краснушку нельзя было назвать красавицей вроде Вали Лер и Анны Вольской — самых хорошеньких девочек нашего класса, — но золотые искорки в глазах Краснушки, ее соболиные брови, резко выделявшиеся на мраморной белизне лица, алый, всегда полуоткрытый ротик и огненно-

красная кудрявая головка были до того оригинальны и необыкновенны, что надолго приковывали к себе взгляды.

— Что же ты видела, Маруся? — спросила я ее, невольно любуясь ее белым личиком с пышущим на нем румянцем от сна. — Что ты видела?

— Ах, это было так хорошо! — вскричала она со свойственной ей горячностью. — Ты представь только: широкая арена... знаешь, вроде арены римского Колизея... или нет, даже это и был Колизей. Да-да, Колизей, наверное! Кругом народ, много, много народу!.. И сам Нерон среди них!.. Важный, страшный, жестокий... А я на арене, и не только я — многие наши: и ты, и Миля Корбина, и Додо Муравьева, и Валентина — словом, полкласса... Мы осуждены на растерзание львам за то, что мы христианки...

— Душка, не слушай ее, — послышался сзади меня голос Мани Ивановой, всегда насмешливо относившейся к фантастическим бредням моей восторженной подруги, — не слушай ее, Галочка: она никакого Колизея не видела, а просто рассказывает тебе главу из повести, которую вчера прочла...

— Ах, молчи, пожалуйста, что ты понимаешь! — осадила ее Маруся, не удостоив даже взглядом непрошеную обличительницу. — Слушай, Галочка, — продолжала она с жаром, — нас окружали воины с длинными копьями и мечами в руках, а у ног наших лежали цветы, брошенные из лож первыми патрицианками города... Нерон сделал знак рукою, и невидимая музыка заиграла какую-то печальную мелодию...

— Ах, как хорошо! — вскричала незаметно подошедшая к нам миловидная блондиночка с мечтательной головкой, Миля Корбина, любительница всего фантастического и необыкновенного.

— Дверь, ведущая в клетку зверей, — невозмутимо продолжала Краснушка, — должна была тотчас же открыться, как вдруг Нерон, остановившись на мне взором, произнес: «Хочешь спасти себя и своих друзей?» — «Хочу!» — отве-

чала я смело. «Тогда ты должна сложить мне песню, тотчас же, не сходя с арены, но такую прекрасную, за которую я бы мог даровать тебе жизнь».

— И что же? Ты спела? — с загоревшимися глазами спросила Миля, подвинувшись почти вплотную к постели рассказчицы.

— Постой, не забегай вперед! — отрезала Милю Маруся. — Слушайте дальше!.. Мне подали лютню, всю увитую цветами... Я окинула цирк взглядом и, остановив мои глаза на императоре, запела. Я не помню, о чем я пела во сне, но это было что-то такое хорошее, такое чудесное и поэтичное, что сам Нерон смягчился душой, бросил мне лавровый венок на арену и объявил свободу и жизнь всем христианкам.

— Ах, как хорошо! — замирая от восторга, прошептала Миля. — Дай мне тебя поцеловать, душка, за то, что ты всегда видишь такие поэтичные сны!

— Ты плохо знаешь историю, Запольская. Нерон никогда не миловал христиан, отданных на растерзание! — слышалось насмешливое замечание хорошенькой Лер.

Но Маруся, как говорится, и бровью не повела.

— Таня Петровская, Таня Петровская, — остановила она проходившую мимо нее черноволосяую и рябоватую девушку с нездоровым цветом лица, слывшую среди выпускных за отгадчицу и в то же время самую религиозную из всех, — как ты думаешь, что мог бы означать мой сон?

— Это нехороший сон, Краснушка, — самым серьезным тоном произнесла Петровская, заплетая длинную, доходившую ей почти до пят и тоненькую, как у китайца, косу, — нехороший сон, душка, — присаживаясь в ногах Марусиной постели, повторила она. — Хорошо читать стихи во сне — значит плохо отвечать на уроке; лавровый же венок — значит нуль. Я уже это заметила, как кто лавры во сне увидит — сейчас лавровый венок без листьев откуда ни возьмись в журнале.

— Ну вот еще! — недовольно протянула Маруся, недовольная таким простым толкованием своего

поэтичного сна. — Мы — выпускные, нам нулей не посмеют ставить.

— Выпускные! — радостно подхватила Бельская, маленькая, кругленькая толстушка с вихрастой белобрысой головой, отъявленная шалунья, за шалости получившая прозвание Разбойника. — Mesdam'очки, мы выпускные. Подумайте только: 296 дней до выпуска осталось! Только 296 дней! Я от радости, кажется, сейчас на шею Арношке кинусь! Ей-богу!

— Маруся! Краснушка! Сумасшедшая! Ты еще не вставала! Пять минут до звонка! Ведь сегодня французское дежурство, ты забыла, несчастная!

Это говорила необычайно нежным грудным голосом дежурная Чикунина, высокая, полная девушка, прозванная Соловушкой за удивительно звучный и приятный голос.

Варюша Чикунина была недавно выбрана регентом церковного хора и ни днем ни ночью не расставалась с металлическим камертоном, спрятанным у нее за край камлового форменного лифа. Она была очень счастлива и гордилась возложенной на нее обязанностью.

— И то правда, — паясничая, вскричала Маруся, — девушки, миленькие, погибла моя головушка! Душеньки-подруженьки, помогите мне! — И в то же время она с необычайной ловкостью набрасывала на себя грубую холщовую юбку, заплетала и укладывала на голове свои огненные косы под уродливый ночной чепчик.

Через две минуты Запольская стояла уже на табурете посередине умывальной комнаты и, размахивая зубною щеткою, декламировала:

Спокойно стояла она пред судом,
Свободного Рима гражданка...

— Арношка идет! Пугач идет! Краснушка, спасайся! — неистово завопила, пулей влетая в умывальную, смуглая, черноволосая, как цыганка, Кира Дергунова, с огромными восточными глазами, так и мечущими молнии.

— Ай! Горе мне! — таким же визгом ответила Маруся и со всех ног кинулась в дортуар, разроняв по дороге все принадлежности для умывания.

Глава 2

На молитву. Новость Сары

Серьезная не по летам Чикунина, восторженная Миля Корбина и я окружили Краснушку и вмиг преобразили ее. Правда, зеленое камлотовое институтское платье плохо сходилось сзади, не застегнутое на несколько крючков; передник сидел косо, пелерина съехала набок, но Краснушка была все-таки готова в ту самую минуту, когда в дверях дортуара показалась высокая и прямая как палка фигура нашей французской классной дамы.

В синем форменном платье, с тщательно уложенными по обе стороны прямого, как ниточка, пробора волосами, с длинным носом, пригнутым книзу и служащим мишенью для насмешек всего института, — m-lle Арно была ненавидима всеми нами. Ее придирчивость, природная сухость и полное отсутствие сердечности не могли привлекать к себе чуткие, податливые на ласку души юных институток. Зато в глазах начальства m-lle Арно была незаменима. Она обладала настоящим полицейским чутьем и выкапывала такие провинности и недочеты во вверенном ей стаде, какие, наверное, укрылись бы от глаз другой классной дамы. И сейчас, лишь только она успела появиться в дортуаре старших, как мигом заметила, что злополучная Краснушка опоздала, что Маня Иванова надела пелеринку на левую сторону, а прелестная, голубоглазая и изящная красавица Лер, страшная кокетка и щеголиха, выпустила с левой стороны лба злодейский маленький кудрявый завиток, что строго преследовалось в институте.

— Mesdames! — произнесла Арно резким, неприятным голосом. — Прежде чем спускаться вниз на молитву,

я должна напомнить вам о ваших обязанностях. Вы перешли с Божьей помощью, — при этих словах она молитвенно подняла глаза к потолку, — в последний, выпускной класс, и теперь, так сказать, вы делаетесь представителями целого института. На вас будут обращены взгляды всего учебного заведения; помните, что вы должны явиться примером для всех остальных классов...

— Ну, пошла-поехала, — сокрушенно произнесла Маня Иванова, — теперь начнется, наверно, бесконечная нотация, не успеешь и в кухню сходить...

В кухню ходили каждое утро три дежурные по алфавиту воспитанницы осматривать провизию — с целью приучаться исподволь к роли будущих хозяек. Эта обязанность была особенно приятной, так как мы выносили из кухни всевозможные вкусные вещи, вроде наструганного кусочками сырого мяса, которое охотно ели с солью и хлебом, или горячих картофелин, а порой в немецкое дежурство (немецкая классная дама была особенно добра и снисходительна) приносили оттуда кочерыжки от кочней капусты, репу, брюкву и морковь. Немудрено, что Маня Иванова — страшная лакомка — так сокрушалась, теряя возможность, благодаря длинной речи Арно, попасть на кухню. А Маня очень любила туда ходить, потому что старший повар, Кузьма Иванович, особенно благоволил к ней за ее необыкновенный аппетит и награждал ее с исключительным усердием и зеленью, и мясом, а иногда даже яйцами и сахаром, из которых Маня мастерски готовила вкусный гоголь-моголь.

Наконец m-lle Арно окончила свою речь, и мы, построившись парами, вышли из дортуара.

В столовой — длинной, мрачной комнате первого этажа — все классы были уже в сборе. Среди зеленых камлотовых форменных платьев и белых передников институток там и сям мелькали цветные, темные и светлые незатейливые и нарядные платьица новеньких, поступивших в разные классы. Весь седьмой класс состоял исключительно из них. Робкие, по большей части взволнованные личики

новеньких приковывали общее внимание, которое еще более смущало маленьких девочек, впервые очутившихся в чуждой для них обстановке.

Прозвучавший звонок напомнил о молитве. Все воспитанницы поднялись со своих мест и, обернувшись спинами к входной двери, устремили глаза на маленький образок, висевший на самом верху дощатой перегородки, отделяющей столовую от буфетной.

Дежурная Чикунина вышла на середину комнаты с молитвенником в руках и начала своим чудным грудным голосом: «Во Имя Отца и Сына и Святого Духа». За этим вступлением следовал целый ряд молитв. Додо Муравьева, наша вторая ученица (я считалась первою по классу все семь лет, проведенные мною в институте), прочла несколько стихов из Евангелия; воспитанницы стройным хором пропели молитву за государя, после чего все разместились за длинными столами, по десяти человек за каждым, и принялись за чай.

— Знаете, душки, я вам скажу одну вещичку! Только, чур, никому ни слова, чтобы наш стол только и знал, — неожиданно произнесла тоненькая, быстроглазая девочка Сара Хованская, обращаясь к девяти остальным, занимавшим стол старшего класса.

— Говори, только не ври! — круто оборвала Хованскую всегда несколько резкая на язык смуглянка Дергунова.

Сара Хованская любила прихвастнуть немного и, признавая в себе эту слабость, ничуть не обиделась на замечание Киры.

— Ей-богу, не совру, душка! — обещала она и в подтверждение своих слов быстро перекрестилась.

— Ну ладно, тогда выкладывай, — милостиво разрешила Дергунова, уставившись на нее своими цыганскими глазами.

— Дело в том, mesdam'очки, — обрадованная общим вниманием, заговорила Сара, — что у нас в выпускном классе скоро будет новенькая!

— Вот глупости, — вскричала Маня Иванова, спокойно до этого уплетавшая черствую институтскую булку, — вот чепуха-то! Институтское правило запрещает принимать новеньких в выпускной класс...

— Ах, молчи, пожалуйста, ты ничего не знаешь! — рассердилась Хованская, не любившая Маню. — Это для простых смертных не допускается, а будущая новенькая — важная аристократка и училась где-то в Париже, а сюда поступит только проверить свои знания и приучиться к русскому языку... Она страшная, говорят, богачиха.

— Душка Хованская, — выскочила Бельская, — скажи мне по секрету, откуда ты это узнала?

— Очень просто. Мне передала Крошка, а ей говорила ее тетка — инспектриса.

— И это правда? — усомнилась Краснушка, сидевшая бок о бок со мною за чайным столом.

— Ей-богу, правда, mesdam'очки! — еще раз перекрестилась Хованская на видневшийся в отдалении образ.

— Сара, не божись! На том свете ответишь! — с укором произнесла Танюша Петровская — самая богобоязненная и религиозная девочка из всего класса.

— Ну уж тебе-то, гадалке и прорицательнице, хуже достанется! — оборвала ее Сара.

— Душки, не грызитесь! — примиряющим тоном проговорила Миля Корбина, не выносившая никаких ссор и неурядиц между «своими».

— Mesdames! Вы являетесь, так сказать, представительницами целого института! На вас обращены глаза всего заведения, и вы должны служить ему примером... — произнесла с расстановкою Краснушка и, неожиданно сморщив свое беленькое личико в забавную гримасу, стала вдруг до смешного похожа на Арно.

— Ах, Маруся! Вот чудесно! Еще, душка, еще! — заливаясь веселым смехом, приставали к ней подруги.

Я одна не смеялась: в моей памяти еще слишком живо стояло неприятное происшествие с тою же Краснушкой,

когда она, увлекшись такой же, как сейчас, проделкой, не заметила подкравшейся сзади m-lle Арно, была уличена ею и оставлена без передника в наказание за «непочтение к старшим».

— Перестань, Маруся! — урезонивала я мою расшалившуюся подругу. — Ну что за охота получать выговоры, право!

— Ах, Галочка, ты всегда помешаешь моему веселью! — с досадой произнесла она. — Всегда во всем найдешь что-нибудь нехорошее... Знаешь ли, Люда, — помолчав немного, добавила она уже мягче, — мне кажется иногда, что ты слишком уж хороша для меня и что я недостойна быть подругой такой «тихони» и «парфетки», как ты... Тебе куда полезнее было бы дружить с нашими «сливками» — Додо Муравьевой, Варюшей Чикуниной, Вольской, Зот и пр., и пр., и пр.

— Ты думаешь? — с улыбкой взглянув ей пристально в глаза, спросила я.

— О, Люда! Галочка моя милая! Хохлушечка моя несравненная! — вдруг, вскакивая со своего места и бросаясь мне на шею, захлебываясь, вскричала она. — Не смотри ты на меня с таким укором, Людочка! Не буду! Не буду! Ведь знаю, что я дороже тебе всех наших «парфеток» и умниц.

И она покрыла горячими поцелуями все лицо мое, глаза и губы.

Странная, необузданная, но на диво славная девочка была эта Краснушка!

Глава 3

Дядя Гри-Гри и математика. Маленькие невзгоды

Сегодняшний день был началом классных занятий.

Поднявшись во второй этаж и пройдя бесконечно длинным коридором, мы вошли в класс, на дверной доске